

публицистического текста;

2) в публицистических текстах абзац выполняет логико-смысловую, экспрессивно-эмоциональную, акцентно-выделительную функции;

3) выделение в абзац отдельного полипредикативного сложного предложения – сти-

листический прием автора, способствующий формированию публицистической речи;

4) ПСП в функции абзаца выступает как средство текстообразования, реализуя такие текстовые категории, как целостность (завершенность), проспекция, ретроспекция, автосемантизм и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Марченко Е.П.* О взаимосвязи структурно-семантических, коммуникативных и текстообразующих потенций полипредикативных сложных предложений в современном русском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 3, № 18.
2. *Марченко Е.П.* Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантические, коммуникативные и текстообразующие потенции: монография. Краснодар, 2003.
3. *Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003.
4. Там же.
5. *Лихачев Д.С.* Заветное. М., 2006.
6. Там же.
7. *Гришин А.* Крупнейшую газету закрыли за подглядывание и подслушивание // Комсомольская правда. 2011. № 28, 14–21 июля.
8. *Бондарев Ю.В.* Мгновения. М., 1987.
9. Там же.
10. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

POLYPREDICATIVE COMPOUND SENTENCE PARAGRAPHS IN THE JOURNALISTIC TEXTS

*V.P. Balakhova, postgraduate student
of the Kuban State University*

Polypredicative compound sentence paragraphs are researched on the materials of the journalistic texts. The aim of the article is to find out the abilities of the PCS-paragraphs functions. We also try to find out those PCS-paragraphs functions which are influenced by the communicative pragmatic tasks of the author of the journalistic text. PCS-paragraphs are used as one of the special stylistic methods and they are text forming units in the journalistic speech.

Key words: polypredicative compound sentence, paragraph, functions of the paragraph, journalistic text, functioning.

УДК 811.581

КИТАЙСКАЯ ИЕРОГЛИФИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*М.В. Гурин, аспирант Пятигорского
государственного лингвистического университета*

В статье рассматривается современная эпоха в истории иероглифики, начавшаяся с утери древнекитайским языком (вэньянем) статуса государственного. Анализируется процесс упрощения письменности, связанный с переходом к массовому образованию и переводом обучения на разговорный язык.

Ключевые слова: вэньянь; путунхуа; пиньинь; полные иероглифы; упрощенные иероглифы.

Современную эпоху в истории иероглифики датировать несложно – она началась с утери древнекитайским языком (вэньянем) статуса государственного. На протяжении многих

веков все или почти все серьезные тексты составлялись на этом языке, причем относилось это не только к Китаю, но и ко всем странам Восточной Азии. Свободное владение древне-

китайским было необходимо для чиновника, ученого и вообще для любого образованного человека. Однако к концу XIX в. ситуация изменилась. К вытеснению взъятия привело сочетание трех факторов. Во-первых, требования массового образования подразумевали, что учиться дети должны на родном языке. Во-вторых, явное бессилие старого общества перед лицом западной экспансии существенно подорвало престиж конфуцианства и тесно связанного с ним древнекитайского языка. В-третьих, о «развитии родного языка» все большую заботу проявляли местные националисты – в регионе зарождалось национальное самосознание.

Подобный переход не был необычным, нечто похожее произошло и в Европе на заре Нового времени, в XVI – XVII вв. Однако в Западной Европе переход с латыни на национальные языки занял два-три столетия, в то время как в Восточной Азии на это потребовалось от 40 до 70 лет.

Фактически весь массив старой «высокой культуры» за исторически ничтожный срок стал недоступен для следующих поколений. То, что для дедов было основным чтением, молодежь может читать сегодня только в переводе [1].

Надо сказать, что подобная ситуация во многом соответствовала планам европейских политиков, религиозных деятелей, местных националистов в ряде стран региона и колониальной администрации. С их точки зрения, старая традиция была злом, от которого следовало радикально избавиться.

Практически во всех странах региона среди руководителей антиколониального сопротивления были конфуцианские книжники, так что колониальная администрация считала деконфуцианизацию политически полезным делом (особенно во Вьетнаме) [2]. С колониальной администрацией в итоге согласились и местные националисты, которые стали набирать силу и влияние в начале XX в. По их мнению, именно конфуцианская идеология и связанная с ней старая культура несли ответственность за печальную судьбу стран Восточной Азии, которые превратились в игрушку в руках великих колониальных держав.

Однако отказа от взъятия было недостаточно. Всем было ясно, что переход к массовому образованию должен сопровождаться переводом обучения на разговорный язык, а следовательно и существенным упрощением письменности. Но введение алфавита означало бы, что от былого языково-культурного единства Китая очень быстро не осталось бы и следа. Политически этот шаг, вероятнее всего, повысил бы шансы на распад страны, так что в пользу полного перехода всех китайских диалектов на фонетическую письменность высказывались лишь самые отъявленные радикалы (и некоторые иностранцы, на взгляд которых Китай и так

несколько великоват). Среди этих радикалов в 1920–1930-е гг. было немало коммунистов и левых, которые не испытывали особого почтения к национальной традиции. В этой связи можно вспомнить Лу Синя, известного китайского писателя XX столетия, человека, на редкость свободного от иллюзий и по поводу консерваторов, и по поводу реформаторов. В 1930-е гг. именно Лу Синь был едва ли не самым влиятельным пропагандистом латинизации языка.

Однако с течением времени, по мере того как шансы коммунистов на превращение в новых правителей страны увеличивались, их реформаторский задор ослабевал. Компартия хотела править единым Китаем, а единство Китая было трудно обеспечить без иероглифической письменности.

Тем не менее переход на алфавит остается (теоретически) дальней стратегической целью языковой политики КНР. Именно в этой связи в 1957 г. был официально утвержден алфавит пиньинь, который сейчас используется для латинских транскрипций китайских слов (любопытно, что на его развитие большое влияние оказал экспериментальный латинский алфавит, созданный для китайских рабочих в СССР в 1930-е гг.). Его изучение является обязательным в школе, но на практике *pinyin* используется в основном в транскрипционных и учебных целях.

С самого начала было ясно, что необходимым предварительным шагом для перехода на алфавит должно быть обучение всех китайцев нормам литературного языка. Правда, тут вставал другой вопрос: а какой, собственно, из китайских диалектов следует считать литературным? С одной стороны, политическое преимущество всегда было явно на стороне пекинского диалекта – языка столицы, который уже много столетий играл роль устного койне китайского чиновничества. С другой стороны, на протяжении последних веков китайской истории главные экономические и финансовые центры страны располагаются на Юге, поэтому крупный капитал был готов поддержать родной кантонский диалект. Первая попытка договориться была предпринята еще в 1913 г., но состоявшаяся тогда общекайтайская конференция закончилась тем, что депутаты-южане (в основном сторонники кантонского диалекта) просто покинули ее, разругавшись с депутатами-северянами. После этого северяне предприняли попытку создать искусственную произносительную норму, которая не отражала бы ни одного конкретного диалекта, но в целом базировалась бы на северокитайском произношении. С этой целью группа филологов даже попыталась подготовить граммафонные записи, которые бы фиксировали это выдуманное «правильное» произношение. Конечно, попытка эта осталась курьезом, тем более что так и не удалось найти дик-

тора, который бы смог произносить иероглифы так, как от него требовали лингвисты. Только в 1930-е гг. за северокитайским диалектом путунхуа (известном в английских публикациях как Mandarin) официально был закреплен статус литературного языка, и только в 1950-е гг. согласившееся с этим решением коммунистическое правительство принялось воплощать его в жизнь. Впрочем, на Юге и сейчас далеко не все согласны с таким статусом пекинского диалекта [3].

Однако официальное решение о признании пекинского произношения иероглифических знаков «правильным» не изменило ничего. Не следует забывать, что диалекты китайского отличаются друг от друга примерно как романские или славянские языки. Для большинства китайцев обучение северокитайскому диалекту фактически означает обучение иностранному языку, а перевод всех китайцев на этот диалект можно сравнить, например, с переводом всех нынешних носителей романских языков на, скажем, французский. Понятно, что подобное мероприятие требует огромных затрат и времени, даже если оно не встречается с серьезным политическим сопротивлением. Впервые осуществлением такой программы занялись коммунисты. С середины 1950-х гг. обучение в городских школах по всей стране было переведено на путунхуа (хотя в начальных классах по-прежнему используется и диалект). В меньшей степени эта реформа коснулась сельских школ, да и за стенами школы большинство детей не используют официальный пекинский язык, а по окончании школы попросту забывают его. По самым оптимистическим оценкам, на настоящий момент путунхуа владеют примерно 70 % китайцев, однако из них не более половины реально пользуются этим языком в повседневной жизни. Конечно, сейчас в крупном южнокитайском городе на путунхуа уже можно даже объясниться в магазине, но мало кто из жителей Кантона в состоянии поддерживать на этом языке связную беседу. Если учесть, что лет 30 назад на путунхуа в Южном Китае не говорил вообще никто, прогресс очевиден. Тем не менее ясно, что для перевода носителей всех китайских языков на пекинский диалект потребуется еще немало времени, в течение которого об отказе от иероглифики не может быть и речи [4].

Кроме того, полный отказ от иероглифики может привести к тому, что новые поколения окажутся оторванными от огромного массива литературы, созданной на китайском языке (значительная ее часть уже недоступна тем, кто не владеет взъязыем). Возможно, по этому поводу не беспокоился бы сам Председатель Мао, который, как известно, гордился тем, что в культурном отношении китайский крестьянин представляет из себя «чистый лист». В данном вопросе Великий кормчий был вполне согласен с радикалами 1920-х гг., из рядов которых он соб-

ственно и вышел. Однако большинство авторов новой языковой политики понимали эту опасность. В отличие от своих корейских, японских и вьетнамских коллег, они не могут объявить всю традицию «иностранной» и «чужеродной», а потому и не подлежащей сохранению, особенно сейчас, когда национальный нигилизм более не моден и в самом Китае. В целом проблема эта и поныне остается теоретической – из-за диалектного многообразия ни о каком отказе от иероглифики речи в обозримом будущем быть не может.

В создавшейся обстановке китайское правительство пошло на полумеры, приняв в 1956 г. решение об упрощении иероглифических знаков. Дело в том, что некоторые иероглифы, в том числе и очень распространенные, весьма сложны в написании. Поэтому было решено заменить их упрощенными формами, обычно основанными на давно существующих скорописных начертаниях. Окончательная версия обязательного к употреблению списка упрощений, опубликованная в 1964 г., включала 2 238 знаков (не всегда самых распространенных). На практике это означает, что обычно в тексте в упрощенной форме появляется примерно треть знаков. Упрощения особенно активно внедрялись при жизни Мао, который хотел войти в историю как инициатор первой за две с лишним тысячи лет реформы китайской письменности, но с его смертью реформаторский накал заметно спал.

Итак, упрощение иероглифического письма было предложено еще в начале XX в. [5], сложная письменность рассматривалась как одна из причин экономического отставания Китая. Однако фактически упрощенные иероглифы уже существовали, в том числе благодаря скорописи.

Первая попытка придать им законный статус на современном этапе – это период с 1851 по 1864 г., а именно во время восстания тайпинов (1850–1865 гг.) началось использование распространенных в народе упрощенных иероглифов на печатях, в документах, книгах и т. п.

В этот период было создано и много собственных упрощений. Они не полностью соответствовали «шести категориям» иероглифов и «были экономнее в использовании черт». Эти упрощенные иероглифы в большинстве своем вошли в Проект упрощения китайских иероглифов. Проект принято связывать с опубликованием в 1909 г. в журнале «Альманах образования» статьи «Соответствующие общему образованию использующиеся обиходные иероглифы», с которой собственно и начинается исследование данной темы.

Проект систематического упрощения был начат в 1930-х – 1940-х гг., во время японской оккупации, параллельно с упрощением японских иероглифов. В КНР официальное предложение

упрощения иероглифов было опубликовано в 1956 г. При этом список упрощенных иероглифов лишь частично совпадал с японскими синдзитай, правительство КНР предложило гораздо более широкий список. Закрепила официальный статус упрощенных иероглифов выпущенная в 1964 г. «Сводная таблица упрощения иероглифов» [5, с. 376], которая содержала 2 238 иероглифов, заменяемых упрощенными вариантами.

В 1975 г. на втором этапе реформы, были упрощены еще 248 иероглифов и предложены для комментариев 605 [6]. С 1977 г. крупнейшие газеты, такие как «Жэньминь жибао», стали использовать дополнительные упрощения, но возникшая путаница заставила правительство сначала обратиться к школам и издательствам с просьбой приостановить печать книг и обучение с использованием нововведений, а 24 июня 1986 г. и вовсе прервать второй этап. Был вновь утвержден стандарт 1964 г. за исключением 3 упрощений иероглифов, таким образом, осталось 2 235 упрощений, а 10 октября того же года правительство объявило, что все дальнейшие реформы письма будут проводиться с большой осторожностью.

Сингапур начал введение упрощенных иероглифов в 1969 г., когда министерство образования утвердило 498 упрощенных иероглифов вместо 502 традиционных (некоторые традиционные иероглифы были объединены). В 1974 г. на следующем этапе реформы, были упрощены 2 287 иероглифов. После этого оставалось 49 различий с письмом, используемым в Китае, которые были устранены в 1976 г. Однако Сингапур не стал вводить вторую серию упрощений, и после ее отмены в 1993 г. принял китайские поправки 1986 г.

Малайзия ввела упрощенные иероглифы, идентичные принятым в КНР, в 1981 г. Тайвань, Макао и Гонконг продолжают использовать традиционные иероглифы [7].

Япония, также использующая китайские иероглифы, называемые там кандзи, упростила написание некоторых из них в 1946 г. (процесс упрощения начался с 1930-х гг.). Некоторые, но не все упрощения совпадали с китайскими.

В Южной Корее, где заимствованные китайские иероглифы, называемые ханчча, практически полностью вытеснены письменностью хангыль (а в КНДР официально вовсе не используются), упрощение не производилось.

В 1952 г. Китайский исследовательский комитет реформирования письменности установил в качестве основного принципа упрощения иероглифов цитату из Лунь Юй: «Развиваем, но не сочиняем» [5 с. 398].

Также для использования выбираются устойчивые простонародные упрощения иероглифов и варианты написания иероглифов с наименьшим количеством черт. Несмотря на

стремление по возможности сохранять имеющиеся начертания иероглифов и их элементов, было создано немало принципиально новых форм, особенно на втором этапе упрощения.

Многие упрощенные иероглифы существовали в прошлом в качестве вариантов стандартных иероглифов.

Иероглифы упрощались различными методами. Поскольку несколько традиционных иероглифов иногда заменяются на один и тот же упрощенный, издание классических текстов упрощенным письмом может вызвать путаницу. В редких случаях упрощенные иероглифы на одну или две черты сложнее традиционных из-за систематического упрощения.

Иероглифы, оставленные в неизменном виде, называются наследуемыми. Эти иероглифы невозможно отнести ни к традиционным, ни к упрощенным. Письменность с использованием упрощенных и наследуемых иероглифов получила название упрощенной китайской письменности.

Реформа несколько облегчила жизнь китайских школьников. Однако в результате возникло два набора иероглифов – применяемый в КНР упрощенный (simplified) и принятый на Тайване, в Гонконге, Сингапуре и Корее традиционный (traditional). Убедиться в этом может любой пользователь Интернета, для этого достаточно заглянуть в настройки браузера. Причем человек, знакомый только с сокращенными написаниями, с определенным трудом читает традиционный текст и наоборот. Впрочем, в последние годы издания, рассчитанные на элиту, даже в КНР стали выходить в традиционной орфографии. Отчасти это дань уважения традиции, которой всегда придавали большое значение в Китае, отчасти – влияние богатых и процветающих «других Китаев» (Тайваня, Гонконга, Сингапура), в которых маоцзедуновская реформа не была признана и традиционное написание иероглифов сохранилось.

Подводя итоги можно сделать следующие выводы. Иероглифика представляет собой весьма непростое наследие. С одной стороны, она создает немало проблем, а с другой – избавиться от нее в обозримом будущем невозможно, так что китайскому языку (а возможно, и языкам соседей) придется жить с этой системой письма еще очень и очень долго.

В последние десятилетия впечатляющие экономические успехи Восточной Азии привели к тому, что местная интеллигенция стала куда терпимее относиться к собственному прошлому и собственным традициям. Оказалось, что они не мешают экономическому развитию, а возможно, даже и помогают ему. Крепнущие связи между странами Восточной Азии также способствуют повышению интереса к иероглифике, ведь чем больше иероглифов в какой-нибудь инструкции или руководстве, тем легче его по-

нимают в соседней стране. Кроме того, появление компьютеров разрешило одну из самых дорогостоящих проблем, связанных с иероглификой, – сложность машинописи и типографского набора. Наконец, экономический рост постепен-

но делает более приемлемыми и иные расходы, неизбежно связанные с использованием иероглифики, например, на более длительное обучение детей в начальной школе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Малявин М.А.* Китайская цивилизация. М., 2000.
2. *Солнцев В.М., Лекомцев Ю.К., Мхитарян Т.Т., Глебова И.И.* Вьетнамский язык / отв. ред. В.М. Солнцев. М., 1960.
3. *Семенов А.Л.* Лексикология современного китайского языка. М., 1992.
4. *Войцехович И.В.* Практическая фразеология современного китайского языка. М., 2007.
5. *Чжоу Югуан.* Модернизация китайского языка и письменности // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 22: Языкознание в Китае.
6. Second Stage Simplifications 第二次汉字简化方案 (草案)
7. *Завьялова О.* Лабиринты иероглифа // НГ-Наука. 2001. № 06 (42).

CHINESE HIEROGLYPHICS IN THE MODERN WORLD

*M.V. Gurin, postgraduate student
of Pyatigorsk State Linguistic University*

The article analyses the modern era in the history of Chinese characters which started when the ancient Chinese language (wenyan) lost its status of the state language. The process of simplification of writing connected with the transition to mass education and the use of spoken language as the language of teaching has been studied.

Key words: wenyan, putonghua, pinyin, full hieroglyphs, simple hieroglyphs.

УДК 81'42

СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО КАК СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА ТЕКСТА

*Л.С. Ефремова, аспирантка кафедры
современного русского языка
Кубанского государственного университета*

В статье рассматривается минимальная семантико-синтаксическая единица членения текста – сверхфразовое единство (СФЕ), анализируются его смысловые и структурно-грамматические признаки.

Ключевые слова: сверхфразовое единство, тема, средства межфразовой связи, цепная и параллельная связи, композиционно-тематическое членение, абзац.

Сегодня общепризнанным является мнение ученых о том, что в составе текста функционируют группы предложений, объединенные структурно-синтаксически и по смыслу, – сверхфразовые единства, которые обозначены разными терминами. Наиболее распространенные среди них – «сверхфразовое единство» (Л.А. Булаховский), «сложное синтаксическое целое» (Н.А. Поспелов), «прозаическая строфа» (Г.Я. Солганик), «компонент (целого текста)» (И.А. Фигуровский). Более употребительный термин – «сверхфразовое единство».

Текст представляет собой содержательное единство и характеризуется многотемностью, т.е. своеобразной организацией частных тем, связанных друг с другом и подчиненных единому авторскому замыслу. Таким образом, сверхфразовое единство квалифицируется как минимальная единица семантико-синтаксического членения текста и представляет собой «группу предложений, раскрывающих одну микротему (частную тему) и образующих на этой основе формально-смысловое единство, имеющее достаточно определенные границы»